

Уродливый человек
Оксана Дидан

Оксана Дидан
Урошливый человек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31508055

ISBN 9785449065728

Аннотация

Андрей – человек с не очень красивой внешностью. С раннего детства он искал любви у мира, но никто не способствовал этому. Поэтому он вынужден был растить яблоню, но и ее, в конце концов, срубил, ведь она не принесла таинственных плодов, которые должны были возродить его лицо. Придумывая план убийства сестры, Андрей возвращается к жизни...

Урошливый человек

Оксана Дидан

© Оксана Дидан, 2019

ISBN 978-5-4490-6572-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В детстве я всегда был испуганным ребенком. Даже самое малейшее движение вызывало у меня панический страх. Ничто не казалось мне безобидным. Особенно, боялся я людей. Людей, которые были красивы.

Мои родители всячески пытались приучить меня к сестрам. Но, за двадцать лет, я так и остался отчужденным. Их присутствие содвигало меня на большой подвиг. А именно – прогулка меж деревьев в нашем саду. Выйти дальше я даже не надеялся. Не пытался я пойти и в люд.

Мы жили в таком районе, где люди, стараясь казаться любезными, беседовали, касались друг друга. Многие, не сказав ни слова, просто смотрели, изучая, при этом, каждого неизвестного, пытаясь выискать его недостатки, чтобы потом, в ходе разговора за ужином, рассказать своей семье какого уродца они встретили. Я же, хотя никогда не видел своего отражения, считал себя таковым.

Чуть ранее, мать говорила мне не прикасаться к зеркалам и любимым поверхностям, способным отразить мое лицо, так как считала меня нисколько не похожим на остальных. Запрещала она мне выходить и за порог дома (исключением был сад – там меня никто не видел), тем самым, предотвращая мою встречу с ее друзьями и знакомыми, половина которых, жила с нами по соседству. Были случаи, когда мамы подруги впервые узнавали, что в нашем семействе есть еще и мальчик, помимо остальных сестер...

Одним июльским днем, прогуливаясь в саду, я остановился возле яблони. Затем, прислонившись к ней, я начал осматривать ее плоды.

– Запретный плод, который ввел в искушение Еву, – сказал я. – Однако, зная древние заблуждения о том, что яблоки символизируют вечную молодость и красоту, я, пожалуй, не откажусь от фрукта даже, если мне отрубят голову.

После перечисления всех сказаний об этом дереве (кстати, знал я их немало), моя рука невольно подымалась ввысь, к самому большому яблоку. Кончики моих пальцев коснулись плода, но сорвать я его не смог, как я ни пытался. Я мысленно вспоминал все знания о древних корнях яблока и мне, казалось, что я просто обязан сорвать фрукт...

С раннего возраста, я просил маму покупать мне книги о поэтических эмблемах красоты. Конечно, она всегда отказывала мне. Поэтому я был вынужден обращаться к одной из моих сестер. Я как сейчас помню:

– Лиза, прости, что отвлекаю тебя от чтения, но... – я за-
пнулся. – Мне нужна книга.

– Вот тебе книги, – она взяла с полки несколько томов
и всунула мне их в руки. – Держи. Это те, которые ты клян-
чил у матери. И по быстрее убирайся. Ты мне противен.

Я взял книги и медленно пошел к двери. Когда я отворил
ее, я услышал голос Лизы:

– Небось, хочешь стать красивым, раз такие книги
ищешь? Так вот... тебе никогда не стать таким как все.

Она смеялась, а я плакал. Плакал и постепенно повторял
слова:

– Я такой как все. Я тоже человек. Я мальчик и мне три-
надцать лет.

Однако в возрасте, когда все дети не хотят возвращать-
ся к дому, пребывая на улице с друзьями-одногодками, я за-
крылся ото всех с надеждой найти способы перевоплощения
внешности. Как говорила мне Лиза:

– Тебе никогда не найти лекарств от твоего уродства. Да-
же, если ты перероешь все книги мира, ты никогда не ста-
нешь одним из нас.

А я верил. Я, как наивный ребенок, всегда верил в чудо
и постоянно ходил за книгами к сестре, которые она прино-
сила со школьной библиотеки.

Постепенно, я осваивал новые методики и практики
по усовершенствованию лица. Но, ведь изувеченное обличье
невозможно исправить. Поэтому, я все чаще стал наведы-

ваться в комнату к Лизе. Я просто приходил, садился на ее кровать, от чего она пересаживалась на стул, и начинал ныть. Причем, ныл я, как настоящий нытик. В этот момент, глядя на меня, сестра морщила свой лоб, прищуривала глаза, и я отчетливо видел отвращение на ее лице. Странно, но глаза Лизы не излучали гнева, как это было раньше.

– Сестра, – запищал я, – почему ты приносишь мне не те книги? Мне надоели эти медитации. Мне нужны действенные, рабочие писания философов или... Я не знаю. Мне просто нужно съесть или выпить что-то. Ну, посмотри на меня. Разве ты не видишь моего уродства?

Я умолк. Мое внимание привлекла младшая сестра, имя которой я даже не знал, ведь мама не подпускала меня к девочкам, дабы уберечь их от испуга. Я посмотрел на Лизку, но она тоже наблюдала за младшей сестрой, которая опустилась на колени и что-то пыталась достать из-под кровати. Я не сдержался (мне было очень любопытно), мгновенно подошел к девочке, пригнулся и запустил руку под лежанку. Когда я нащупал материал, я осторожно поднял его.

– Что это? – спросил я у сестры.

Она долго смотрела на меня, и, мне казалось, она вот-вот заплачет. Конечно, она же впервые видела меня и мое лицо.

– А, ты, слышал о прекрасной яблоне?

– Нет, – с сожалением сознался я. Меня заинтересовала эта яблоня, и я приготовился к увлекательному рассказу.

– В старые времена, – начала девочка, – люди ели плоды

дерева. Прошло некоторое время и они, постепенно, начали замечать изменения во внешности. Послушай!

Сестра открыла рукопись на странице, где была закладка с изображением медведя. Приставив палец к буквам, она прочла: «Один мудрец сказал: Да придёт с нами Бог! Плоды, которые считались запретными в Эдемском саду. Плоды, искусившие Еву. Плоды, вкусив которые, люди могли познать зло и добро. Плоды, благодаря которым, люди обретут бессмертие и вечную красоту»...

– Это правда? – перебил я.

– Не знаю. Ты сам все прочти.

Девочка подала мне книгу. Я взял ее и побежал к себе. Когда я зашел в комнату, я запер дверь, чтобы мама не увидела меня за чтением. Я прочел название: «Древо жизни и красоты», а затем, ложась в кровать, я открыл рукопись, где был медведь и, перевернув его, я начал читать тот самый отрывок, что прочла мне сестра. Остановился я, опять же, на вечной красоте и неспешно начал оценивать написанные слова. Вперемешку к этому, я думал о девочке.

– Как она может так хорошо читать? – спросил себя я. – Она же маленькая...

Каждый раз, возвращаясь с прогулки по саду, я брался за рукопись. Изучил я книгу от начала и до конца, но при этом, я продолжал перечитывать ее. Однако мне не становилось легче.

Я обошел весь сад, занимаясь поиском секретного дере-

ва (мама не знала об этом), но, увы, яблони нигде не было. Сперва, я удивился, ведь я знал, что это древо жизни росло в каждом русском дворе. Но у нас его не было. Из-за этого я еще больше стал изучать деревья и большую часть времени проводить в саду. Я пытался найти дерево, которое бы заменило мне яблоню. Но все было безрезультатно.

Я мало спал, так как мне приходилось ранним утром навещать зеленую обитель. Я мог ходить и вечером, но опасался этого по нескольким причинам. Во-первых, я боялся мамы. Она то и запрещала мне прогуливаться садом. Мне даже казалось, она о чем-то догадывалась. А во-вторых, каждый вечер наш дом навещали мамыны подруги и она всегда, в это время, запирала меня в комнате. Перед самым приходом гостей, я спускался на кухню и тихо начинал обедать, дабы никто из сестер меня не увидел. После принятия пищи я поднимался в комнату и видел, стоящую возле двери, мать. В руках она держала ключ.

– Прости, Андрей! Люба и Маша... Они сейчас придут. Ты ненадолго здесь посиди. Книги почитай или может, еще чем-то займись. Делай все, что душе угодно. В общем, я быстро.

С этими словами она выходила и запирала дверь. А я сидел и прислушивался к каждому слову мамыных подруг. Они много о чем болтали и мне, немного, это надоело. Но вдруг я услышал, как одна из женщин проговорила:

– У тебя такие красивые дети. Скоро вон какие девки вы-

растут. Небось, и замуж быстро выскочат.

– Конечно, – подхватила вторая. – Кто же их не захочет в жены? Ну, а ты, Лера, почему молчишь? Скажи, тебе, наверное, сложно воспитывать одних девочек? И не хотела ли ты родить мальчика?

– Что ты несешь, Маша? Какой еще мальчик в моем-то возрасте? Если бы мне и суждено было воспроизвести на свет сына, я бы лучше предпочла его смерть, нежели рождение.

О чем дальше говорили женщины, я уже не слышал. Не слышал я ни маму, ни Машу, ни Любу. Я чувствовал боль в сердце. Мне было ужасно больно... и страшно. Страшно, от того, что собственная мать так поступила со мной. Да, пусть я и не считаюсь красивым по всем стандартам красоты, но я ее ребенок. Единственный сын. Сын, которого она никогда не хотела иметь и предпочла бы его смерть. Но, даже сова любит своих некрасивых детенышей. В детстве, я много читал сказок об этих птицах. Одна мне больше всего запомнилась. В ней говорилось о сове, которая назвала своих детей самыми красивыми. А когда лисица спросила, почему сова так утверждает, она ответила, что ее дети самые лучшие, потому что она мать, и она должна, при любых обстоятельствах, защищать их, даже когда ей самой будет угрожать опасность.

– Удивительно. Разве птицы бывают лучше людей? – спросил я у ворона за окном. Он осторожно передвигался по вет-

ке и, при этом, смотрел на меня.

– Как жаль, что ты не понимаешь моих слов. Я сижу в своей комнате. Меня заперла мама. Она сказала, что пробудет недолго, но прошло уже три часа, и никто меня, до сих пор, не высвободил с этой клетки.

Я притих. Ворон по-прежнему смотрел на меня. Мне было одиноко. Сердце разрывалось на части. Я попытался позвать птицу: открыл окно и постучал по подоконнику. Ворон, все также, сидел на ветке. Я сделал вторую попытку и начал ждать. Не знаю, сколько я прождал, но, уже через мгновенье, птица сидела у меня на коленке.

– Знакомься, – осторожно сказал я. – Меня зовут Андрей. Мне тринадцать лет... И я одинок. Я не знаю, сколько человек живет в этом доме. Моей отрадой являются книги. Странно, потому что в моем возрасте дети больше привязаны к маме, а я к рукописям, которые описывают красоту... Ну, а теперь ты расскажи о себе.

Я ждал ответа. Ворон по-прежнему молчал. Затем, он еще раз посмотрел на меня и взмахнул крыльями.

– Теперь и ты меня испугался. А я уже начинал верить, что я не настолько безобразен. Наверное, Лизка права. Я никогда не стану таким, как все...

Помню как однажды, когда я сидел под деревом, я увидел муравья. Лил дождь, и я попытался прикрыть насекомое. Я закрыл книгу, которую читал, и поднял ее над муравьем. Он, как мне показалось, посмотрел на меня и, тот час же, скрыл-

ся в своем убежище. Больше я его не видел. Я часто возвращался в сад, но насекомого нигде не было.

– Даже он от меня убежал, – тихо прошептал я. – Неважно настолько доброе у тебя сердце, люди видят только внешность. И не только люди. Все окружающее нас склоняется к красоте. Поэтому, мне не удастся с кем-то подружиться...

Как бы то ни было, я человек. Ужасно уродливый человек. Человек, который обречен на смерть собственной матерью и познавший горесть жизни.

Много раз я подходил к черной ткани, скрывавшей зеркало. Однако открыть я ее не пытался. Во-первых, я боялся мамы. А, что, если она увидит? Во-вторых, в момент, когда зеркало было отвешено, меня запирали в комнате, а когда я выходил, оно уже было под черной завесой. Причем, мама пристально следила за каждым моим шагом.

Когда я хотел спуститься вниз, чтобы поесть, она меня останавливала:

– Не ходи на кухню. Там сейчас девочки. Лизе, ты ведь знаешь, в школу нужно. Пусть она спокойно позавтракает.

Последние слова мамы вызвали у меня зависть. Я ничего не знал о школе. Только, из Лизкиных разговоров, я понимал, что там весело и совсем не одиноко.

– Лиза, ты утром всегда пропадаешь...

– В школу я хожу, Андрей. Как видишь, я не бездельничаю. Можно сказать, ума набираюсь.

– Знаю, – сухо проговорил я. – Расскажи мне больше

об этом.

– А, что, и ты хочешь учиться? Может ты и способен к наукам, но твое лицо, увы, заставит других детей навсегда покинуть школу. Мать же недаром раздобыла справку о тебе, как о психически больном ребенке. Теперь ты не только уродливый, но еще и псих, – Лизка засмеялась. – Хотя, судя по твоему поведению и пристрастию к странным книгам, я могу точно сказать, что ты такой и есть. Ты, вроде, и читаешь о красоте, но никакого изменения в тебе я не заметила. Лучше действуй, а не мечтай о школе. А теперь возьми книги, которые я принесла сегодня и уходи.

Я исполнил Лизкин приказ: взял книги и ушел. При этом я пообещал себе больше не грызть локти и плакать по ночам в подушку, а действовать. Но сначала мне нужно было раздобыть яблоню...

Прошел месяц, а у меня на столе уже был целый план по находке древа жизни, записан на бумаге А3. Я, конечно, мог легко его осуществить, но не знал как. Для начала мне нужно было попросить маму.

Прошло еще два дня, и я, набравшись сил, пошел, прямоком, к маминой комнате. Я спустился и увидел ее возле кухни. «Она меня уже ждет» – подумал я.

– Сын, в последнее время ты слишком обеспокоен. Что-то случилось?

Она ждала ответа. Я молчал. Мои колени подкосились, ноги стали ватными, а глаза наполнились слезами. Я онемел.

Слезы, предательски, котились к дрожащим губам. Я пытался остановиться, но ничего не получалось. Тогда я взял свои грязные волосы и закрыл ими лицо, периодически, наблюдая за маминым поведением. Было видно, что она ничего не понимает. Я все также, с презрением, смотрел на нее. Но, в ее глазах, я увидел сострадание.

– Андрей, – не выдержав молчание, позвала мама.

– Что? – еле слышно спросил я.

– Ты меня испугал. Ты, случаем, не болен?

– Нет, я просто... Ты впервые назвала меня сыном. Знаешь, что я чувствую?

Мать отрицательно покачала головой.

– Ты права. Ты не можешь меня понимать. Ты красивая и образованная. У тебя есть все, что нужно женщине: дом, работа, любимая Лизка... А я имею только сад. Но, будь бы он человеком, тоже бросил бы меня. Так... какого это жить изгоем? Жить, зная, что ты уродливый? И слышать это ото всех?

Я снова расплакался. Мать изумительно смотрела на меня и что-то тихо напевала.

– Я где-то слышал похожую мелодию.

– Это колыбельная, которую ты так любил. Раньше, мне казалось, что ты больше любишь мое пение, нежели меня.

Мама рассмеялась, а я находился в недоумении. Я ничего не понимал, поэтому спросил ее:

– А разве ты мне пела?

– Да. Когда ты был маленьким, я довольно часто это делала.

Я прищурил глаза и уставился в окно. «Не врет ли она?» Я много мыслил, но в голове крутился лишь один вопрос. Однако я не знал, как озвучить его. Я боялся, что мама посчитает меня совсем убогим. Все же, собравшись с мыслями, я осторожно спросил:

– А в детстве я сильно был уродлив?

– С тех пор ты не изменился.

– Тебя не воротило от меня?

– Нет.

Услышав это, я был очень благодарен маме. Я хотел бегать, прыгать, кричать. Я почесал голову, привел свои волосы в порядок, обернулся и начал подниматься к себе. Но мать меня окликнула:

– Андрей, ты хотел со мной поговорить.

Я тут же вспомнил древо жизни и красоты.

– Я забыл. Просто хотел спросить, не хочешь ли ты посадить новое дерево?

– Разве наш сад нуждается в этом?

– Не думаю. Было бы хорошо заполнить пустое место возле березы.

– У тебя есть что-то на примете?

– Яблоня! – поспешно выкрикнул я.

– У нашей соседки я видела это дерево. Завтра возьму. Потерпишь до завтра?

– Да.

На этом наш разговор был окончен. Я пошел к себе изучать оставшуюся часть плана. Мне осталось посадить дерево жизни и дожидаться когда оно принесет первые плоды. Я с облегчением решил уснуть и дожидаться завтрашнего дня.

Когда я проснулся (это было около одиннадцати дня), я сразу побежал к березе. На рыхлой земле я увидел виднеющийся стебель. Он немного был повернут к солнцу. Я подумал, что, на удивление, мама выбрала правильное расположение. Немного посмотрев на свет, исходящий от огненных лучей, я опустился на колени, вытер руки о штаны и притронулся к яблоне.

– Здравствуй. Я Андрей. Теперь это твой дом. Надеюсь, тебе здесь понравится.

Я гладил деревцо и проникался любовью. Впервые кто-то не убегал от меня, и, даже, брал меня за руку. Я прислонился к яблоне и прошептал:

– Я люблю тебя. Пожалуйста, помоги мне обрести красоту. Не бросай меня. Прошу...

Со временем, я понял, что сильно привязался к дереву жизни и красоты. Я, каждый день, проводывал яблоню, при этом, постоянно спрашивал ее о самочувствии. Конечно, она не отвечала, но я был счастлив. Я постоянно рассказывал ей о своем прошлом. О детстве, которое было украдено.

– Знаешь, у меня не было детства. Многие люди всегда хотят вернуть время, чтобы быть детьми и вновь играть со сво-

ими матерями. Я же, как ни странно, не хочу возвращаться в былые времена. Я не познал радости жизни, в которую всегда врывалось мое уродство. Иногда я просыпался в холодном поту. Мне снилось мое лицо. Ужасное лицо. Я никогда не видел обычных снов, потому что я постоянно пребывал в стрессовых ситуациях. В основном, это те моменты, когда я пытался спуститься на кухню, а там стояла мама со словами: «Не ходи туда. Там Лизка». Причем, знаешь, Лизка эта была везде. И в уборной, и на кухне, и в прихожей, и возле зеркала. В общем, она была там, где не ступала моя нога. И не то чтобы мне было обидно, мне, скорее, было досадно. Я всегда спрашивал мать, почему она любит моих сестер больше чем меня. Ну, знаешь, говорят, что родители больше любят детей, которые являются единственными. Но, меня, почему-то не любили. Хотя, я знаю, почему меня ненавидят. Хочешь, скажу почему?

Я посмотрел на яблоню. Она начала приподнимать свои ветки и склонять их к моим ногам. Не знаю, то ли это получилось от ветра, то ли это она жаждала продолжения.

– А потому что я уродливый человек. Я не осуждаю маму. Я могу понять ее. Да посмотри ты на меня и посмотри на Лизку. Кого бы из нас ты выбрала в качестве друга? – я затаил дыхание. – Знаю, что ты не хочешь проводить со мной время. Но, что поделаешь? Такой у меня уж надоедливый характер. Я склонен привязываться ко всему, что меня окружает. Может, ты не хочешь меня видеть, но ты мой единствен-

ный друг. Только с тобой я могу вот так поболтать и, при этом, остаться собой. При маме я всегда должен держаться холодно и оптимистично. Я не могу рассказать ей о своих страданиях, ведь я должен всегда улыбаться. Сквозь зубы, но улыбаться. Знай, что я всегда буду рядом. Я буду любить тебя бесконечно сильно, как никто в этой жизни меня не любил. Я защищу тебя ото всех. Не унывай. Жди моего прихода.

Я, как и обещал, постоянно возвращался к яблоне. Я приносил ей книги, рисунки и свой старый дневник. Именно, в нем я отображал все прошлое, все плохие моменты, всю прожитую жизнь.

Как-то, в один из жарких дней, когда солнце прогревало мою мокрую от пота шею, я примостился возле дерева и открыл свое писание. На первой странице я увидел надпись с больших букв: «Грезы и мечты». Я пролистнул еще несколько страниц.

– Сейчас ты узнаешь мое детство. Может тебе оно покажется скучным, но я бы все отдал, дабы переродиться в новом теле и с новым лицом. Послушай, -я приподнял дневник и с горечью начал вчитываться. – Тридцать первое мая. Сегодня мой День Рождения. Я, что мне не свойственно, встал рано утром, оделся в праздничную одежду и побежал вниз, на кухню. Я думал меня там ожидает большой сюрприз. Ведь, я помнил, как мама готовилась к Лизкиному празднику. Они так красиво подготовили кухню, осыпали сестру по-

дарками, праздновали, веселились. Меня, как обычно, среди них не было. А я готовился. Готовился, вместе с Лизкой разделить ее счастье, – я перевернул страницу. – Когда я вошел в дверь, я был крайне удивлен. Я стоял один посреди серых мебели кухни. Тогда я вышел и пошел к маме. Хотел было, разозлиться на нее, но не смог. Она так ласково спала, что вся моя обида испарилась.

Я закрыл дневник и покосился на березу, которая возвышалась над яблоней.

– Знаешь, что больше всего меня тогда волновало? Я ждал словесного поздравления. Думал, что мама придет ко мне и скажет: «С Днем Рождения тебя, сынок!». Затем, я мечтал, чтобы она вытерла мне слезы, которые я так сильно проливал в подушку, накрывшись одеялом. Я ждал, но она не приходила. И тогда я сам ее позвал. Когда она зашла ко мне, я сидел на кровати и широко улыбался.

– Андрей, ты чего-то хотел? – спросила мама.

– Я не знаю чем занять себя в этот день, – ответил я.

– Разве этот день особенный? Занимайся тем, чем и всегда. Пойди в сад или книги почитай.

Видишь, как я отпраздновал свое десятое рождение. Я сидел в кругу деревьев с книгами в руках. Мне было ужасно страшно принимать свое одиночество. Я сидел и все думал, как бы хорошо мне было жить одному. Жить отшельником. Завести усы и бороду, отрастить по длиннее волосы и скрыться в пещере. Замечательная мысль, правда? Ну, я

пойду...

Каждый день я приходил к Лизке и спрашивал ее о деревнях. Помню, как она удивилась, когда я начал просить ее приносить мне новые книги.

– Сестра, возьми со школы рукописи, но только не о красоте. Хватит с меня этих мучений. Думаю, мне, скорее, нужно излечиться духовно, нежели изменять внешность.

– Так, какие книги мне прикажешь приносить, Андрей?

– Книги для душевного спокойствия. Я хочу научиться слышать собственные мысли, ведь это поможет мне преодолеть даже самые сложные жизненные ситуации. Именно, правильная мысль поспособствует моему дальнейшему существованию.

– Чему?

Лизка посмотрела на меня с удивлением. Она нервно потирала руки. Я заметил отчаяние на ее лице.

– Ты не знаешь, но меня давно посещает мысль о самоубийстве. Я больше не хочу так жить... Понимаешь, я всегда думал, что я сильный, что смогу справиться с этим уродством. Но, я уже не тот, кем был раньше.

– Нет, не говори мне этого.

Сестра закрыла лицо руками и начала тихо плакать.

– Почему мне думается, что ты имеешь ко мне чувства? Ты же никогда меня не любила и всегда гнала прочь. Что сейчас изменилось?

– Я и сейчас тебя не люблю. Я испытываю отвращение

к тебе.

– Значит, мне пора умереть.

Я оставил Лизку в комнате, а сам пошел в сад. Когда, я подошел к яблоне, я прислонился к ней и громко пропел:

«Вдалеке я вижу любовь
Прошу, меня ты обескровь
Тебе любовь, а мне картина
Вместе мы с тобой – вершина»

Я не знал, что это была за песня, и где я ее слышал, но я усиленно продолжал ее петь, пока я не услышал маму.

– Андрей, чего ты там делаешь? Разве ты мне не говорил, что больше не будешь подходить к яблоне?

– Она выросла, но я не могу ее оставить.

– Почему?

– Потому что, – я отошел от дерева, – она исполнит мою мечту.

– А у тебя есть мечта? – нервно спросила мама. Я знал, что она хочет узнать о моих сокровенностях.

– Есть. Я хочу творить хорошие дела для человечества. Но, сначала, мне нужно делать хорошее для своего сердца.

– Тебе что-то мешает любить себя?

– Да. То, что мешает и вам полюбить меня. Мое уродливое лицо.

– Почему ты думаешь, что для нас это является единственным препятствием?

– А есть еще что-то?

– Ты не ответил.

Я задумался. Неужели мама и правда ненавидит меня не только из-за моей внешности?

– Просто, сегодня я спросил у Лизки, любит ли она меня...

– И она сказала, что ты ей противен... Ладно, если хочешь, поговори с яблоней. Я пойду. Мне нужно помочь дочерям выполнить домашнее задание.

Я наблюдал за тем, как мама грациозно покидала мою обитель.

И так продолжались мои долгие годы жизни. Прошло семь лет, а яблоня не приносила мне плоды. Я уже не садился возле нее и не читал ей свои книги. Она выросла, и я не знал о чем с ней говорить. Не то чтобы не знал, я просто боялся показывать ей свое уродливое лицо. Дети, они ведь не разбирают кто красивый, а кто нет. А вот взрослые... они обсуждают. Поэтому, я не приближался к дереву. Я наблюдал за яблоней издалека.

Я все не мог понять, почему она не может уродить. Подкормка, удобрения, вода. Все необходимое она имела. С книг я узнал, что яблони довольно рано начинают созревать. Так почему это происходило именно с моим деревом жизни и красоты? Возможно, Бог задумал не изменять мое лицо и обрести меня на вечные страдания и пожизненное одиночество?

И вот... я уже стою возле дерева с небольшими красными

плодами. Я вспомнил отрывок из рукописи: «Плоды, вкусив которые, люди могли познать зло и добро. Плоды, благодаря которым, люди обретут бессмертие и вечную красоту».

– Почему люди могли познать зло и добро? Разве во всех сказках, которые я читал, не говорилось о добре в первую очередь. Почему в этой книге зло на первом месте? – спросил я у яблони. – Сейчас я сорву твой плод и узнаю правдиво ли то, что записано в Древе жизни и красоты. Как говорит мне Лизка, нужно учиться, а не верить вслепую всему, что написано. Ты, ведь, знаешь, что, когда дают вещь, то отдают малость, а когда дают любовь, то отдают много. Так, подари мне любовь и помоги обрести красоту.

С этими словами, я медленно тянулся к самому большому яблоку, и когда оно уже было в моей руке, я поспешно, откусывал маленькие кусочки от этого фрукта. Его вкус мне показался очень странным и немного ароматным.

Наконец, когда яблоко было съедено, а огрызок валялся на полу, я испытал облегчение, которое я не испытывал от Лизкиных книг со школьной библиотеки. Я радовался. Мне было приятно ощущать новое начало и успешное далекое будущее. Я ощущал новые перемены в себе. Мне ужасно хотелось взглянуть на себя, но я знал, что зеркало было завешано. Поэтому, я поспешил к сестре, чтобы она увидела, что я все это время действовал, а не сидел, сложа руки.

Когда я вошел, я увидел Лизку с тетрадь в руках. Я остановился у двери, вздохнул и присел рядом с сестрой.

– Давно я не видела тебя с тех пор, как ты забрал у меня две книги по усовершенствованию мысли. Ну как, ты чему-то научился?

– Я изменился. Посмотри на меня.

Я с радостью посмотрел на сестру, но она писала текст о своей семье. Я со злостью уставился на нее, и подождал, пока она посмотрит на меня.

– Ах, ты меня испугал. Почему так близко подсел? Отодвинься.

Я удивился. Я не понимал, почему она врет. Я, ведь, съел таинственное яблоко, которое подарит человеку красоту.

– Посмотри еще раз. Посмотри.

Я схватил Лизку за голову и начал ее трясти. Затем я отбросил ее к столу, от чего, она ударилась головой об угол. Я был в ярости. Неужели все было ложью, а я так отчаянно в это верил? И яблоня мне была ни к чему.

В гневе, я побежал на кухню, обнаружил там разделочный топор и направился в сад. Я подбежал к дереву жизни и со всей силы нанес удар. Но оно не шелохнулось. Я еще раз ударил. Я рубил и рубил, до тех пор, пока не увидел, как красные плоды рассыпались по всей земле, а сама яблоня безжизненно лежала у меня в ногах. Я смотрел на ее опущенные листья и прозрачный сок, струившийся с отрубленного ствола. С моих глаз полились слезы. Я не хотел плакать, но глаза сами наполнялись слезами. Я вспомнил все обещания, которые давал яблоне. Я склонился над деревом, взял

ее листья в свои руки и громко зарыдал.

– Прости меня. Помнишь, как я пообещал, что буду бесконечно тебя любить? Как обещал защитить тебя ото всех? Но, не защитил от себя. От этих рук.

Я взял топор и ударил ним себя по правой руке. Правда, ничего не получилось, но мне немного стало легче. Я опять притронулся к веткам яблони и продолжал говорить. Я сетовал на свою жестокую судьбу, на испорченную жизнь и на плохую Лизку.

– Слышишь, это она меня заставила срубить тебя. Я бы никогда не посмел тебя убить, ведь ты мой единственный друг. Ну, давай, подымайся. Ты сможешь.

Я встал на ноги и попытался поднять яблоню. Не знаю, откуда я взял силы (ствол был шире, чем сам я), но, я, все же, приподнял дерево жизни и начал вкапывать его обратно в землю. Я быстро рыл землю и, при этом, держал яблоню. Я, постепенно, начал чувствовать кровь под ногтями, но продолжал копать. В конце концов, я вырыл огромную глыбу, всунул туда дерево и присыпал его землей.

– Ты же дерево жизни. Ты сможешь освоить новую жизнь. Ты прорастешь. Только попытайся. А я, как и раньше, буду приносить тебе книги. Буду читать тебе свой дневник. Ты же помнишь, как нам было весело? Помнишь, как я рассказывал тебе о подслушанных Лизкиных случаях в школе? Нет, лучше не вспоминай ее. Это она тебя убила.

Я все говорил и постоянно смотрел то на пень, от срезан-

ной яблони, то на ее оставшуюся часть, которую я вонзил в землю. Теперь яблонь было две: одна – срубленная и обреченная на гибель, а вторая – зарытая в землю, дабы снова обрести жизнь...

После того страшного дня, я решил проверить яблоню. Поэтому, я встал ранним утром и побежал в сад. Я осмотрел все деревья, но они казались мне, на диво, сильно опечаленными. Как будто все вокруг скорбело по яблоне.

Я начал медленно прохаживаться вокруг сада. Я извинялся, просил прощения, но деревья не слушали. Они били меня по рукам, которые я протягивал к ним. Солнечный сад превратился в холодное отуманенное жилище.

– Простите меня. Во всем виновата Лизка.

Я упал на колени. Я, постепенно, осознавал, что, до сих пор, (спустя некоторое время, после прочтения многих книг) я так и не научился признавать свои ошибки и свою вину. Я постоянно, все плохое, содеянное мной, сворачивал на всех. Ночью, когда я смотрел в окно, я, мысленно, проклинал Лизку и, даже, желал ей смерти.

– Почему ты не умрешь, как умерла моя яблонька? Ты не имеешь права жить, – кричал я, когда обедал на кухне, пока мама меня не услышала.

– Андрей, успокойся.

Я, как обычно, во время долгой депрессии, не успокаивался.

– Перестань кричать. Ты испугаешь всех девочек. Млад-

шие, ведь, не знают, что в нашей семье есть мужчины. Лучше расскажи, что случилось?

Я ждал вопроса, но мама молчала.

– Она срубила яблоню, которую ты посадила семь лет назад. Ну, помнишь, ты ее еще брала у нашей соседки?

– Ах, да, я вспомнила. Она была посажена возле березы?

– Да.

– Но, разве Лиза выходила вчера в сад?

Я не знал, что ответить. По сути, сестра ни в чем не виновата, но мне нужно было оболгать кого-нибудь.

– Может, она и не выходила, но ей удалось срубить дерево.

– Как?

– Она огорчила меня, поэтому... – я запнулся. – Я был вынужден срубить мое древо жизни и красоты. Знаешь, я прочел в книге, которую мне отдала девочка, что раньше плоды яблони использовали для достижения красивой внешности. Там было написано: «Любой, кто съест яблоко, в миг, сможет околдовать не только человечество, но и, растения». Так вот, я вкусил плод, но никаких изменений во мне не произошло. Более того, я не околдовал ни Лизку, ни наш сад. Наоборот, деревья начали отворачиваться от меня, а твоя дочь, вообще, сказала, что я ее пугаю.

– Из-за этого ты срубил яблоню?

– Да. Я, ведь, надеялся стать красивым. Впервые я чувствовал себя настолько прекрасным. Но, потом, я вошел к Лизке, которая обрушила все мои надежды, обломала мои

крылья.

Мама вздохнула. Мне показалось, что ей надоел этот бессмысленный разговор.

– Почему ты проклинаешь Лизу? Это ты во всем виноват, Андрей. Ты срубил дерево. И только ты должен понести наказание. Лучше придумай, как ты будешь отвечать перед Богом за этот поступок.

– Пусть она отвечает.

– Андрей, она сказала тебе правду. Если бы ты, вчера, спросил у меня о твоём изменении во внешности, я бы также ответила. Тогда, ты меня тоже бы посчитал виновной?

Я задумался. Я больше не хотел говорить с матерью, так как она всегда будет защищать Лизку.

– Ты не понимаешь как мне плохо. Вчера, когда я срубил яблоню, я начал рыть землю, – я показал свои изодранные руки, – чтобы обратно ее посадить. Я думал она, вновь, прорастет, но, увы, я ошибался. Когда я подошел к дереву жизни посмотреть как оно, я увидел дерево, полностью опустившееся книзу. Ветки яблони бездыханно болтались от ветра, а ее плоды почернели. Еще вчера я обнимал ее, пел ей песни, а сегодня я увидел ее мертвой. Как все сложно в этом мире. Ничто ни вечно. Никто ни вечен.

– Тебе было больно осознавать, что яблони больше нет?

– Да. Очень. А тебе было бы больно, если бы твой ребенок умер? Если бы Лизка исчезла, чтобы ты чувствовала?

– Если так произойдет – я погибну вместе с ней.

– Тогда пусть она сдохнет, – заорал я. – Пусть все покинут этот мир, как мое древо жизни. Пусть и я умру, вместе с яблоней.

– Не говори того, о чем потом будешь жалеть. У тебя сейчас горе и ты под впечатлением.

– Жалеть? Мама, ты плохо меня знаешь. Я буду рад. Я несказанно буду рад смерти. Мне уже нет места в этом мире. Да и раньше его не было. Мой мир расположен в моем сердце. Но, и мое сердце оказалось маленьким. Единственной нитью, что связывала меня с этим миром, была яблоня. Но, и ее я уничтожил. Как видишь, у меня ничего не осталось.

– У тебя есть мы.

– Кто? Я не знаю, сколько людей живет в этом доме. Я даже не знаю имен всех обитателей дома. Я ничего не знаю...

– Не беспокойся, склад семьи можно выучить за несколько часов.

– И жизнь тоже можно потерять за несколько часов.

– Жизнь можно потерять и за секунду, но обрести ее обратно невозможно. Задумайся над этим.

Мама подошла ко мне и взяла меня за руки.

– Смотри, я прикасаюсь к тебе, но не становлюсь уродливой. Я говорю с тобой, но не чувствую твоей боли, горести и тоски по яблоне. Я не могу прочесть тебя. А знаешь почему?

Я молчал. Мать все сильнее сжимала мои руки.

– Потому что ты этого не позволяешь. Ты всегда улыба-

ешься, но я-то знаю, что это всего лишь твоя очередная игра.

– А разве не ты этого хотела? Разве ты не просила меня улыбаться, когда я спускался на кухню, когда я посещал ванную, когда я ложился спать. Разве не ты говорила, что мне всегда следует смеяться, ведь тогда и день пройдет удачно. Это ты сделала из меня монстра. Из-за тебя я убил дерево жизни. Из-за тебя я отнял у него жизнь.

– Не обвиняй меня во всем. Я всего лишь хочу уберечь тебя. Ты достаточно взрослый, но мыслишь как ребенок. Те книги, которые Лиза приносила с библиотеки, совсем тебя одурачили.

– Книги здесь ни при чем. Твое воспитание было слишком жестоким. Настолько, что, порой, не возможно было обернуться без улыбки. Знаешь, те моменты, когда я встречал тебя с улыбкой, были для меня ничуть не хуже казни. Хотя, я был рожден человеком, я ним не являюсь. Ты сотворила игру. Лживую игру. Думаю, пора уже все закончить.

– Андрей, моей вины здесь нет. Ты был обучен теми старинными рукописями...

– Ты хочешь сказать, что это они меня изменили? Из-за них я убил яблоню? Нет уж, книги научили меня любить. Я по настоящему любил дерево жизни. Я растил его и ухаживал за ним. Я любил его, но только до того момента, как оно начало приносить плоды... Я понял, мама! Это они во всем виноваты. Плоды, которые из древних времен запомнились людям в греховном свете. Так, это они искусили меня и за-

ставили срубить яблоню?

– Прекрати искать виноватых. Ты во всем виноват. Лучше поищи ответа в своей душе и в своем сердце. Разберись со своим миром.

Я не стал больше слушать маму. Я просто развернулся и ушел. Мне надо было направляться в сад, так как я хотел увидеть яблоню. Я просунул руку в дверной проем и достал оттуда свой дневник, завернутый в красную ткань. Затем, я вышел в серый и грустный сад.

– И почему мне нужно было забывать свое писание? Возможно, Лизка уже его прочла, когда обедала с мамой. Ну и странные дни пошли. Как будто, черная полоса вонзилась в меня и не отпускает.

Когда я подошел к деревьям, я осмотрелся по сторонам. Мелкие капли дождя легко ложились на мои плечи, руки и голову. Я собрал свои волосы и перевязал их небольшой атласной лентой голубого цвета, что была расположена у меня на руке. Затем, я подошел к дереву жизни, взял его вялые ветки и прикоснулся к ним губами. Я целовал их. Жадно впивался в каждый сантиметр яблони. Но я не чувствовал ее тепла.

– Ты такая холодная. Земля никак не дарит тебе жизнь. Может, тебе поможет мое чтение.

Я открыл дневник.

«Двадцать шестое октября. Мой день начинался с неожиданных поворотов. Я встал, довольно таки, поздно. Настоль-

ко поздно, что даже не увидел Лизкино прощание с мамой, перед ее уходом в школу. Первое, что привлекло мое внимание – отвешенное зеркало. Я был удивлен. Мама никогда не оставляла его в таком положении. Я подумал о сестре. Это, наверное, она любовалась собой, поэтому сняла черную ткань. Ну, ей есть на что посмотреть. Она красивая...

Недолго думая, я осторожно спускался к зеркалу. Мое сердце бешено колотилось. Я был в испуге, ведь я боялся увидеть свое страшное лицо. Но, по правде говоря, я не успел посмотреть на свое отражение. Когда я спускался, я увидел маму, которая усердно накрывала зеркало.

– Андрей, ты уже проснулся? – ласковым тоном заговорила мать. – А я не видела тебя.

– Не ври. Если бы не видела... Тогда ты бы не завешала его, – я указал на зеркало. – Кстати, почему голубая ткань? Ты решила изменить обстановку?

– Нет. Я не знаю куда Лиза выкинула черную материю.

– Возможно, она оставила ее в своей комнате.

– Не думаю. Она бы не поднималась к себе с черной тканью. Тем более, она всегда ее оставляла при выходе.

Я осмотрел все вокруг, но ткани не увидел.

– В таком случаи, я пойду, поищу в ее комнате.

– Не нужно. Теперь здесь будет голубая. Она словно небо, правда?

– Она не описывает моего состояния. Я хочу видеть черный цвет. Мне кажется, он символизирует прогнившие души

всех присутствующих в этом доме. Я же, среди всего этого, заблудился и стал голубым цветом. Цветом неба.

– Почему ты так говоришь? Ты тоже во многом виноват.

– В чем? В том, что я посмел родиться с таким лицом?

– Может, сейчас ты хороший мальчик, но в будущем я не могу предугадать, что с тобой случится. Ты еще успеешь сотворить множество плохих поступков.

– Ты, только что, сама сказала, что не знаешь о будущем. Так почему тогда ты убеждаешь меня в этом? Почему говоришь, что я стану плохим? Это из-за моего лица? Ну, знаешь, многие люди, хотя имеют некрасивую внешность, являются получше остальных.

– В этом ты определенно прав, – подтвердила мама. – У меня был друг. Он не был моим одноклассником. Мы просто ходили в одну школу. И как-то, на празднике (правда, не помню на каком) мы впервые встретились. Поначалу, я сильно испугалась. У него были длинные уши, сильно заостренный нос, раскосые глаза, немного приоткрытый рот и острые желтые зубы.

– Ты его поприветствовала? – заинтересовался я. – Или убежала от него?

– Изначально, я подошла к нему поближе и некоторое время просто смотрела. Петя, так его звали, был занят созданием музыки. Ну, знаешь, раньше, в мое время, это не очень было популярно, а сейчас этим занимаются, практически, все. Я не помню названия.

Я с удивлением присматривался к матери. Я пытался угадать, но не понимал о чем идет речь. Тогда, я попросил ее детально все рассказать.

– Возле Пети стояли два проигрывателя, на которых он плавно регулировал скорость вращения...

– Так он был диджеем?

– Вот как это теперь называется. А, при мне, все называли Петьку музыкантом.

– Хотел бы и я быть диджеем. Мне кажется, эта профессия никогда не надоест, так как постоянно нужно создавать новые ремиксы. И тебе хорошо, и людям в радость. Они с удовольствием бы слушали мою музыку.

– Хватит тебе мыслить, мечтатель.

Я пошел присесть на табурет. Мама последовала за мной.

– Потом, мы с Петькой, начали встречаться. Он был интересным человеком, который создавал удивительную музыку. Его так и прозвали Монстер-музыкант. С ним я не чувствовала себя одинокой. Мне было хорошо. Он всегда подымал мне настроение своими композициями. Правда, они не очень мне нравились, но я их слушала с огромным удовольствием. Он был некрасив, но мог околдовать любого. Не знаю, как так получалось у него.

– Мама, ты не боялась мнения окружающих?

– Нет. Они осуждали меня, но я их не слушала. Я была по уши влюблена.

– Что твои одноклассники говорили?

– Спрашивали, как я такая красивая могу встречаться с Монстром-музыкантом.

– И, что ты отвечала?

– Говорила, что безумно люблю его. Но, они ведь не знали его и его внутренний мир. Поэтому смеялись надо мной.

– Где он сейчас?

– Не знаю. Я жила с Петькой долгие шесть лет...

– А, что случилось?

– Я забеременела, и он меня бросил. Сказал, что не хочет растить уродливого ребенка.

– Так, это я был тем ребенком?

– Нет, это Лиза.

Я был в недоумении. Я все никак не мог понять, как в такого некрасивого отца могла вырасти дочь с прекраснейшей внешностью. Я неподвижно осматривал часы на стене. Они показывали половину шестого.

– Она унаследовала мои черты лица.

– Значит, я тоже был рожден от уродливого человека?

– Нет. Твой отец был очень красивым.

– Тогда, почему я такой?

Мама молчала, а я опирался на ее плечо. Мне было приятно осознавать, что она удерживает мою голову.

– Почему тебя всегда волнует твоя внешность?

– Тебя тоже волнует. Лизка сказала мне причину моего отсутствия в школе.

– Она проговорила?

– Да. Ты специально раздобыла справку о моем, якобы, плохом психическом состоянии.

– Я сделала это для твоего блага.

– А ты у меня спросила нужно мне это или нет? Спросила, хочу ли я становиться психом или хочу остаться уродливым, но умным и образованным человеком?

– Андрей, тебе всего тринадцать. Ты еще ничего не смыслишь в жизни. Ты не знаешь, как вести себя с незнакомыми детьми...

– Правильно. Ты меня не подпускала к соседским детям. Да что там к соседским, ты и к собственным меня не подпускаешь. Я в глаза не видел своих младших сестер. Скажи правду, ты, ведь, меня не любишь?

– С чего ты взял?

– Я слышал твой разговор с подругами. Ты сказала, что выбрала бы мою смерть, нежели мое рождение.

– Я сказала это для того, чтобы они не узнали, что у меня есть мальчик.

– Тогда, зачем ты скрываешь меня?

– Боюсь тебя потерять.

Я не верил своим ушам. Неужели это правда? Я посмотрел в мамины глаза, и мне показалось, она не врет.

– Я пойду спать.

– Еще рано. Только начало седьмого. Посиди еще немного со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.